

Колонка РЕДАКТОРА

Владимир Круглов

Литература изъята из законов тления

«Она одна не признаёт смерти».
Салтыков-Щедрин

Люди раздают книги. Дарят. Выбрасывают. Отдают в библиотеки. Их можно понять — в наш информационный век библиотеку, заботливо собранную тремя поколениями предков, с успехом заменяет прекрасная читалка с экраном на электронных чернилах, на флеш-карту которой можно поместить количество книг, сравнимое с объёмом небольшой районной библиотеки.

А книги... Занимают место, пылятся. Мешают.

В моей семье всегда было много книг. Так случилось, что с самого детства меня окружали уходящие под потолок стеллажи с корочками подписных изданий. В шкафах в три ряда на полках стояли тома книг, купленных на абонементы, полученные за сдачу макулатуры. Чтобы найти какую-нибудь книгу в доме, иногда приходилось тратить недели — книга записана в каталоге, все помнят, как она выглядит, но вот где она стоит — неизвестно. А чтобы посмотреть, какие книги стоят

в дальнем, третьем, ряду на полке, надо вытаскивать предыдущие два. Книги стоят плотно, и когда вытаскиваешь одну, остальные смыкаются, как будто места у неё и не было.

Компьютеры и прочие электронные игры появились позже, и поэтому мы читали. Сначала детские книги. Киплинга, Волкова, Бульчева... Мой друг даже писал продолжение знаменитого цикла Александра Волкова про Изумрудный город. Там и так было целых семь книг — от «Волшебника Изумрудного города» до «Огненного бога Марранов». А уж что говорить про книги Кира Бульчева — про Алису? «Девочка с земли», «Лиловый шар», «Сто лет тому вперёд», «Миллион приключений» и прочее и прочее. Алиса, Пашка Гераскин — они были свои, родные, только из будущего. Такие же, как мы. Кстати, очень рядом с книгами Кира Бульчева про Алису у меня всегда стояли книги Владимира Малова — их я когда-то прочитал в журнале «Пионер», а потом, уже будучи взрослым, очень обрадовался, когда их издали в твёрдом переплёте. «Очень таинственный остров», «Двенадцать мест в машине времени» и другие. Про двух одноклассников Петю Трофименко и Костю Костикова, про их бабушку и двух школьников-путешественников во времени, у которых во время практикума по активным хронороботам разладился блок хронопереноса, и они оказались в 20-м

веке. А «Сказочные повести скандинавских писателей!» Ян Экхольм — «Тутта Карлссон и Людвиг четырнадцатый». Уже потом я с удовольствием узнал героев этой книги в спектакле Театра «Без вывески» «Никто не поверит» — оказалось, что по этой книге написал пьесу Георгий Полонский. Синкен Хопп — «Волшебный мелок», «Юн и Софус» — немного бредовые, смешные и странноватые повести про «младшего помощника старшего машиниста мальчика Юна и его друга Софуса, которого он нарисовал волшебным мелком на заборе и тот ожил». Ну, и конечно, непередаваемая Туве Янсонн — «Муми-тролль и комета», «Шляпа волшебника». Удивительные герои — Муми-семейство живущее в долине, Снусмумрик, Хемули, Морра... Далёкие путешествия в Обсерваторию в Одиноких горах... встречи с волшебниками. Это уже потом я с удивлением обнаружил, что о Муми-троллях есть и ещё книги — сначала, когда в журнале «Пионер» напечатали повесть «Опасное лето», а потом, спустя много лет, когда стали печатать всё, и издательство «Азбука» выпустило первое собрание сочинений Туве Янсонн на русском языке — от книги «Маленькие тролли и большое наводнение» до «В конце ноября». Это собрание до сих пор стоит у меня на полке.

А Астрид Линдгрэн?! Всё началось с жёлтой книжки «макулатурной» серии, где Карлсон соседствовал под одной обложкой с Маугли и Винни-Пухом. Прекрасный перевод Лунгиной. Потом тоненькая, в жёлтой обложке, книжка «Расмус-бродяга» — совсем не похожая на юмор Карлсона. Расмуса было жаль — сирота из детского дома, где над ним издевались... Ну, а потом, опять благодаря «Азбуке», — полное собрание сочинений Астрид Линдгрэн, где номера томов обозначались количеством нарисованных Карлсонов, правда уже в другом переводе — Людмилы Брауде, поэтому немножко не такие.

Ещё был такой писатель — Сергей Иванов. Наверное, вы видели созданный по его сценарию мультфильм «Падал прошлогодний снег». Он писал замечательные книги, и многие из них я читал и перечитывал, потому что они были о нас. О тех ребятах, которые могли учиться в соседнем классе или гулять в соседнем дворе.

«Тринадцатый год жизни» — о девочке Стелле Романовой, у которой решили расстаться родители. «Бывший Булка и его дочь» — о слесаре Филиппове, который вдруг узнал, что у него рак... а у него дочь-школьница. «Его среди нас нет» — о мальчишке Сереже, который стал свидетелем небольшого, школьного, но всё-таки преступления. «Июнь, июль, август» — о пионерском лагере и о том, как непросто подростку в двенадцать лет ощутить себя личностью. Только спустя много лет я узнал, что Иванов писал о знаменитом тогда на всю страну пионерском лагере Академии педагогических наук СССР «Маяк», директором которого был Олег Семёнович Газман (его орлёнковские методики мы сейчас используем в нашей работе и наших лагерях).

А приключения! До дыр была зачитана маленькая серая книжка Анатолия Рыбакова «Корттик» (это было довоенное издание на жёлтой тонкой бумаге). Вторую книгу о тех же ребятах — «Бронзовую птицу» — я искал долго и нашёл уже спустя несколько лет.

Виктор Голявкин, Виктор Драгунский, Юрий Сотник... До сих пор помню его книжку, с которой у меня началось знакомство с этим прекрасным детским писателем. Там были поздние его книги: «Приключение не удалось», «Машка Самбо и Заноза» и «Эликсир Купрума Эса». Они тоже были о нас. Это мы сбегали из дома в Арктику. Это мы изобретали новые машины, это мы мечтали тайком пробраться в школу, чтобы узнать, что по ночам происходит в химической лаборатории, где допоздна горит свет... Прекраснейшие книги!

Гениальные книги для детей писал Юрий Коваль. В детстве я как-то не распробовал его книг и страницы журнала Пионер, где печаталась очередная его повесть «Промых гражданина Лошакова» (продолжение знаменитых повестей про Васю Куролесова) пропускал. Но потом! Проза Ковалья — это как волшебная музыка. Вы только послушайте: «Возле дома номер семь

гражданин Никифоров приостановился. Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта увлекала, притягивала к себе. В ней были мужчины и женщины, которые шептались и выкрикивали...»

А книги о животных?! Бианки, Пришвин, Паустовский (тогда я знал его лишь по рассказам о животных). Особенно я любил Сетон-Томпсона — про бурого лиса по имени Домино. И позже зачитывался его книгой «Маленькие дикари» — она, говорят, в том числе, дала начало скаутскому движению.

Прозрачные, чистые и честные книги писал Альберт Лиханов. Сначала я прочёл только самую детскую его книгу «Мой генерал» — о мальчике и его дедушке, который был на войне. Пронзительная и очень трогательная душа книга — впрочем, как и все у Лиханова. А потом начал брать в библиотеке и другие его книги. Серьёзные, рассказывающие о непросьтых вопросах, но для подростков. «Лабиринт» — о мальчике, которому приходилось жить вместе с мамой под невыносимым гнетом бабки-тиранки. «Обман» — о том, как нелегко порой бывает взрослым и как от этого страдают дети. «Благие намерения» — не о детях как таковых, но о молодой учительнице из столицы, которая «в глубинке» становится неожиданно для самой себя воспитательницей класса детей-сирот и даёт клятву довести их до выпуска...

Было много книг, которых я потом нигде не видел и не слышал имён их авторов. Но от этого они не становились неинтереснее — просто было жалко, что такой замечательный автор больше ничего не написал (или не издали, или я не смог найти). Десятки раз я перечитывал книгу польской писательницы Малгожаты Мусерович «Целестина или шестое чувство». Клянусь вам, семейство Жак, изображённое с бесконечной любовью автором книги, даже в самую глухую депрессию способно поднимать настроение своим оптимизмом. Наталья Хмелик «Длинные дни короткого лета» — о мальчике, который попал в байдарочный поход. Я практически уверен, не будь этой книги, я, наверное, не пошёл бы в байдарочный поход сам.

Детских книг было дома не очень много, и я пытался читать всё, что попадалось под руку

Колонка РЕДАКТОРА

и стояло на полках в шаговой доступности. Марк Твен («Приключения Тома Сойера», «Приключения Геккельберри Финна», «Принц и Нищий»... Тёмно-зелёный четвёртый том Марка Твена был куда более потрепан и засален, чем остальные, т.к. я имел привычку перечитывать книги по нескольку раз. Кстати мало кто знает, что про Тома Сойера есть и ещё книги — «Том Сойер сыщик», «Том Сойер за границей»

Ещё на полке стоял Джек Лондон — собрание сочинений в 4х томах. «Смок и малыш», «Белое безмолвие»... рассказы о людях, которые замерзли в снегу Аляски.

Огромное в большом количестве томов собрание сочинений Александра Дюма. Больше всего, конечно, был потрепан серый том, где были «Три мушкетера». Потом, по порядку — «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и т.п.

Серый четырёхтомник Алексея Пантелеева. «От двух до пяти» — про дочку писателя, «Ленька Пантелеев» — про его детство. Ну и, конечно, «Республика ШКИД». Том с ней выделялся особенной потёртостью — обложка собрания была матерчатой. Кстати, много лет спустя после «Республики ШКИД» я прочитал «Последнюю гимназию» — ещё одну книгу о ШКИДе, только написанную другими авторами. Весьма любопытно.

Вообще, почти каждое собрание сочинений начиналось с одной книги. После того, как я прочитал не очень толстую книжку «Кондуит и Швамбрания», я понял, что хочу ещё читать Кассиля. Брал в библиотеке. А когда стал взрослым, с удовольствием купил вновь изданный четырёхтомник и с удовольствием перечитал «Дорогие мои мальчишки» — про страну Синегорию, «Будьте готовы, ваше высочество!» — про страну Джуганхору. Да что там!

В. Круглов. Литература изъята из законов тления

«Вратарь республики», «Черемыш брат героя» и прочее и прочее... Только спустя годы я узнал что брат писателя, Иосиф Кассиль (тот самый Оська из Швамбрании), был арестован и расстрелян в годы сталинских репрессий.

Но самое большое впечатление на меня в школьные годы оказало творчество ещё одного детского писателя.

Сначала была тонкая, изданная в издательстве «Детская литература» книжка рассказов «Всадники со станции Роса» (к сожалению, потом я её потерял). Потом книжка «Дети синего фламинго».

А потом... Потом в журнале «Пионер» опубликовали повесть «Застава на Якорном поле». И я пропал. Я начал искать книги Крапивина везде. Сейчас у меня четыре его собрания сочинений. Одно полное, остальные нет. Первое из них (которое у меня самое полное) выпущено издательством

«Нижкнига». Тома печатались с перерывами, подолгу не выходили. Было начало 90-х, и с детскими книгами оставался дефицит. Но собрание вышло (правда, не до конца, как было запланировано). У меня были все тома, кроме первого (не успел его купить). Тома были нумерованные, просто по содержанию.

Однажды я увидел этот первый том на книжной ярмарке в «Олимпийском» (в те годы это было культовое книжное место). Наверное, я смотрел на него столь вождённо, что продавец, который продавал «только собрание целиком», сжалился и отдал мне первый том. Это были повести, начинающие цикл «Кристалла» — том назывался «Выстрел с монитора».

Наверное, не будь книг Крапивина, я бы и не занимался педагогикой. ВШ

